

Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г.

Владислав Аксёнов

Revolution and violence in contemporaries' imagination: rumors and emotions of the «honeymoon» of 1917

Vladislav Aksenov (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

Понимание любой революции не может быть полным без учёта тех явлений, которые относятся к сфере аффективного и эмоционального. Ещё в 1932 г. Ж. Лефевр исследовал феномен «великого страха», поразившего Францию в период революции конца XVIII в. На тесную связь рационального и чувственного обращал внимание Л. Февр¹. Его коллега по «школе Анналов» М. Блок, участвовавший в Первой мировой войне, вспоминал, как циркулировавшие в среде немецких солдат слухи о бойницах в домах бельгийских крестьян, порождённые незнанием местных архитектурных традиций, катализировали страх и ненависть к мирному населению². С тех пор история эмоций оформилась в признанное направление социально-исторических исследований³.

В исследовании В.П. Булдакова, Б.И. Колоницкого, М. Стейнберга, Я. Плампера, П. Холквиста и многих других авторов обращается внимание на эмоциональную подоплёку различных событий и процессов эпохи российской революции, выражавшуюся в аффективных действиях (погромах, самосудах), художественном творчестве, политической лексике и народной молве⁴.

© 2017 г. В.Б. Аксёнов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12025а(ц).

¹ *Lefevre G.* La Grand peur de 1789. Suivi des foules révolutionnaires. Paris, 1988; *Февр Л.* Чувствительность и история // *Февр Л.* Бой за историю. М., 1991. С. 117.

² *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.

³ *Zeldin Th.* France, 1848–1945. Vol. 1: Ambition, love. Oxford, 1979; *Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: Clarifying the history of emotions and emotional standards // *The American Historical Review*. Vol. 90. 1985. № 4. P. 813–836; *Elias N.* The Civilizing process. Oxford, 1994. P. 292; *Reddy W.M.* The navigation of feeling: A framework for the history of emotions. N.Y., 2001; *Rosenwein B.H.* Emotional communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006; Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сборник статей / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010; *Виницкий И.* Заговор чувств, или русская история на эмоциональном повороте // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. Семиотика августа в XX веке: трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов.

⁴ См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; *Steinberg M.* Proletarian imagination: Self, modernity, and the sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca, 2002; *Holquist P.* Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass., 2002; *Плампер Я.* Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России. Сборник статей. Челябинск, 2007. С. 453–460; *Стейнберг М.* Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сборник статей. М., 2010. С. 202–226; *Нарский И., Хмелевская Ю.* «Упоение» бунтом в русской революции (на примере разгрома винных складов в России в 1917 году) // Российская империя чувств... С. 259–281.

В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева обращают внимание на методологические препятствия постижения природы революции, которая не поддаётся рациональной оценке социологизирующих авторов, пытающихся «хаос эмоций перевести на язык удобной для них “логики”»⁵. Не случайно в этой связи С.В. Леонов, описывая массовое сознание 1901–1917 гг., прибег к известной метафоре «разруха в головах» (употреблявшейся современниками задолго до М.А. Булгакова) — порой именно анализ рождённых в исследуемое время художественных метафор помогает определить специфику общественных настроений, в которых эмоциональное довлело над рациональным⁶.

Важным источником при изучении эмоций являются слухи, отражающие фобии и надежды широких слоёв населения. Роль слухов в годы Первой мировой войны и революции уже основательно изучена в историографии⁷. Однако в современном массовом сознании и околонучной литературе распространены попытки и в этой области обнаружить результат пропаганды внутренних или внешних «врагов». Следует отметить, что и в годы войны многие обыватели склонны были считать слухи целенаправленной диверсией (в частных письмах обсуждали существование «фабрики слухов»). Но даже те, кто наивно верил в их рукотворную природу, отмечали, что «дело не в том, что распространяют, а в том, что верят»⁸. Готовность массового сознания к восприятию абсурдной с рациональной точки зрения информации является важным феноменом, нуждающимся в исследовании. Вместе с тем более внимательный анализ слухов позволяет говорить о естественном происхождении самых массовых из них: информационный кризис, спровоцированный цензурными ограничениями, наложился на общественные страхи-предчувствия, в условиях усугублявшегося системного кризиса в империи нередко облакавшиеся в эсхатологическую форму. В этой связи «политтехнологический» подход современных авторов к истории революции представляется крайне пристрастным: на самом деле российская дореволюционная и революционная печать ретранслировала лишь малую толику того, о чём рассуждали обыватели в очередях, говорили на рынках и в трамваях.

Предметом данной статьи является эмоциональная атмосфера конца февраля — начала апреля 1917 г. Особенностью этого периода можно считать повышенную возбудимость населения, на которую обращал внимание ещё Л.П. Карсавин. По его словам, петроградцы в дни революции, несмотря на различие политических взглядов, представляли собой «одну развивающуюся индивидуальность — революционное население»⁹. Показательно, что некоторые современники с раздражением констатировали развитие в это время инстинктов толпы, проявлявшихся, в частности, в практике хождения не по тротуарам, а по улицам, мешая движению транспорта. Судя по трамвайному

⁵ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 697.

⁶ Леонов С.В. «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901–1917 гг.) // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. С. 95–172.

⁷ См.: Колоницкий Б.И. К изучению механизма десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999. С. 72–86; Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы первой мировой войны. М., 2010; Аксёнов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145; Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч.

⁸ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917. М., 2008. С. 96.

⁹ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 135.

пассажиropотоку, нормальное уличное движение было восстановлено лишь к началу апреля¹⁰. В такой обстановке повышалась роль устной информации, обыватели начинали более чутко реагировать на перемены коллективных настроений. В числе характерных черт массовых настроений того времени была их неустойчивость: позитивные эмоции (восторг, счастье) легко сменялись негативными (страхом, отчаянием). В основе тех и других лежали определённые механизмы восприятия реальности, приводившие к рождению гипертрофированных образов. 3 марта русский монархист, член Прогрессивного блока В.В. Шульгин записал: «Ах — толпа... Подлые и благородные порывы ей одинаково доступны и приходят мгновенно друг другу на смену»¹¹.

Радостно принявшие революцию современники назвали первые её недели «медовым месяцем», развивая тем самым аллегория России-невесты, обвенчавшейся со свободой. Другие окрестили февральские дни «великой бескровной революцией», причём некоторые участники событий отрицали имевшие место случаи насилия со стороны революционизированной толпы. Так, член ЦК кадетов А.В. Тыркова в своём дневнике пыталась представить февральские беспорядки в Петрограде в виде всеобщего восторга, безобидного праздника, отметив, что «толпа ни разу не была оскорбительна»¹². Схожие эмоционально-восторженные оценки, отрицавшие значительную роль насилия, сохранили записи Е. Зозули, Н. Морозова, И. Даинского, Н.П. Окунева и других очевидцев¹³.

Учитывая влияние погодного фактора на самочувствие людей, следует отметить, что позитивные эмоции обывателей были усилены метеорологическими явлениями: с 25 по 28 февраля шло постепенное повышение атмосферного давления с 751 до 768 мм рт. ст., развеявшее облака¹⁴. Обыватели наделяли выглянувшее солнце символическим содержанием, считая его признаком политической оттепели¹⁵. Даже консервативно настроенному Б.В. Никольскому, не испытывавшему восторга от революции, 28 февраля передалось приподнятое настроение горожан: «День чудесный, солнечный, — с виду сущий праздник»¹⁶. Примечательно, что на солярную символику тех дней обратили внимание представители таких разных историографических направлений как Э.Н. Бурджалов, Ц. Хасегава, Б.И. Колоницкий, упомянувшие о показательном эмоционально-символическом жесте: 25 февраля женщина подала казачьему офицеру букет красных роз, ассоциировавшийся с солнцем свободы (хотя солнца в этот день не было, шёл снег)¹⁷.

¹⁰ См.: Еженедельник статистического отделения петроградской городской управы. Пг., 1917.

¹¹ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 268.

¹² Тыркова А.В. Петроградский дневник // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 328.

¹³ Даинский И. Как произошла русская революция. М., 1917; Зозуля Е. Что запомнилось (Революционные дни в Петрограде). Пг., б.г.; Морозов Н.К. Семь дней революции. События в Москве. Дневник очевидца. 1917 г. М., 1917; Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917—1924. В 2 кн. Кн. 1. М., 1990.

¹⁴ См.: Еженедельник статистического отделения петроградской городской управы. 1917. № 8—9.

¹⁵ Более подробно о погодном факторе в революции и символическом пространстве см.: Аксёнов В. Об одной историографической ошибке, или К вопросу о визуальной семантике российских революций // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / НАН України. Інститут історії України. Вип. 7. Київ, 2013. С. 233—243.

¹⁶ Никольский Б.В. Дневник. 1896—1918. Т. 2. 1904—1918. СПб., 2015. С. 279.

¹⁷ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; Hasegawa Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. Washington; Seattle; L., 1981. P. 253; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть... С. 26.

Другой части россиян свойственны были не менее сильные отрицательные эмоции. Начальник петроградского охранного отделения К.И. Глобачёв нари-совал иную, страшную своими подробностями картину поведения толпы: «Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части: некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых разрубали шашками»¹⁸. Если начальника столичной охраны можно заподозрить в крайнем субъективизме, то воспомина-ния крупного промышленника барона Н.Е. Врангеля должны отличаться мень-шей предвзятостью. Тем не менее он рисует похожую картину: «Ряженого горо-дового ищут везде. На улицах, в парках, в домах, сараях, погребах, а особенно на чердаках и крышах... Во дворе нашего дома жил околоточный; его толпа дома не нашла, только жену; её убили, да кстате и двух её ребят. Меньшего грудного — ударом каблука в темя»¹⁹. Вместе с тем следует заметить, что картина убийства невинного ребенка — распространённый пропагандистский штамп, демониизи-рующий врага. В годы Первой мировой войны рассказы о немецких зверствах вызывали в воображении населения апокалиптические образы, среди крестьян распространялись слухи о рождении нового царя Ирода. В этом отношении эмо-ции февраля во многом были настояны на слухах военного времени.

Сильные эмоциональные потрясения вкупе с неопределённостью в отно-шении ближайшего будущего расшатывали нервы обывателей, поэтому не-удивительно, что в первые недели после февральских беспорядков в 50 раз возросло ежедневное поступление душевнобольных в городские клиники, и март—апрель по этому показателю стал рекордным за всё время войны²⁰. Председатель общества психиатров профессор П.Я. Розенбах обратил внима-ние, что революция оказала более сильное психологическое воздействие на столичных жителей, чем начало Первой мировой войны, а также счёл оправ-данным введение термина «революционный психоз»²¹.

Один из парадоксов 1917 г. заключался в том, что, хотя массовое сознание было готово к революции (накануне о ней активно говорили и даже писали), во вспыхнувших 23 февраля акциях протеста современники не сразу опознали начало глобальных перемен. Многим казалось, что революция должна иметь более грандиозное и рационально-политическое начало, чем митинги жен-щин-работниц. При этом забывали, что в декабре 1916 г. именно экспрессив-ные «красные бабы» художника Ф. Малявина были названы предвестницами будущих потрясений²².

Эмоции аккумулировались слухами, распространению которых накану-не революции способствовала цензурная политика властей. Обыватели в фев-рале 1917 г. сравнивали ситуацию с январем 1905 г., объясняя радикализацию общественного сознания «всякими слухами, толками и зигзагами»²³. Подоб-ные настроения были характерны для всех уголков империи: «Вообще живём слухами, живём под тяжёлым гнётом предчувствия чего-то ужасного», — сооб-щал житель Амурской области²⁴. Даже провинциальная подцензурная пресса

¹⁸ Глобачёв К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петро-градского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 68.

¹⁹ Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 355.

²⁰ Ежедневник статистического отделения Петроградской городской управы. 1917. № 3—10.

²¹ Биржевые ведомости. Вечерний вып. 1917. 18 мая.

²² Московский листок. 1916. 20 декабря.

²³ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д.1071, л. 49.

²⁴ Там же, д. 1066, л. 1694.

констатировала неспособность власти справляться с внутренним кризисом, приходя к выводу о неизбежности «серьёзного ремонта нашего корабля»²⁵. Более определённо современники высказывались о политическом моменте в своих дневниках: «Словом, настроение безнадежное... Должно быть, без народного вмешательства, т.е. без революции, у нас обновления не будет»²⁶. Ожидание революции порождало сплетни о покушениях на царствующих особ²⁷. Дестабилизирующая роль слухов отмечалась в докладе Охранного отделения «О настроениях в январе 1917 г.», там же проводились и параллели с 1905 г.²⁸

Эмоциональный климат в Петрограде в первые дни революции можно реконструировать по письмам и дневникам. Характерно обилие в них неопределённо-личных предложений, а так же частицы «будто». Так, З.Н. Гиппиус в записях от 23 февраля почти каждое предложение начинает с частицы «будто бы»: «Будто бы убили пристава. Будто бы пошли на Шпалерную... — всё “будто бы”»²⁹. Отставной генерал от инфантерии Ф.Я. Ростовский картину происходящего воссоздавал по телефонным звонкам знакомых, пересказывавших уличную молву, начиная фразы со слов «говорили, что»³⁰. О телефоне как проводнике слухов писал 27 февраля А.Н. Бенуа: «Масса слухов сообщается по телефону. Будто осаждают (кто осаждают?) Государственную Думу, будто она даже взята (кем?)»³¹. Обстановку усугубило то, что из-за перегруженности телефонных линий связь в отдельных частях города пропала, и некоторые обыватели в поисках известий вышли на улицы, пополняя собой протестующие толпы³². «Телефон уже не звонит ни к нам, ни от нас, и неизвестность о происходящем полная», — записал 28 февраля Б.В. Никольский³³.

В условиях информационного кризиса даже совершенно невероятный слух мог стать удобным поводом для выплеска народными массами накопившихся эмоций, что и произошло 23 февраля, когда распространился слух о критической нехватке хлеба в столице. Накануне революции продовольственный вопрос был самым актуальным. Согласно сатирическому журналу «Стрекоза», из 153 карикатур, опубликованных за два первых месяца 1917 г. и посвящённых девяти волновавшим петроградцев сюжетам (война, правительственные перестановки, пьянство, транспортный кризис и т.д.), 63 (43%) касались продовольственного кризиса. Примечательно, что официальная пропаганда ещё с осени 1914 г. старательно внушала обывателям, что Германия стоит на пороге голода. Когда в дни Февральской революции полковник П.А. Половцов осматривал типографию на Галерной, то не без сарказма отметил, что в ней не нашлось ничего интересного, «кроме сводки, приготовленной из всех сведений Министерства иностранных дел, доказывающей, что вся Германия через несколько дней помрёт с голоду»³⁴. Сосредоточенная на идее неминуемости голода у немцев

²⁵ Саратовский листок. 1917. 1 января; Старый владимирец. 1917. 3 января.

²⁶ Окунев Н.П. Указ. соч. С. 11.

²⁷ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1071, л. 101; Чубинский М.П. Год революции (1917). (Из дневника) // 1917 год в судьбах России и мира. М., 1997. С. 233.

²⁸ ГА РФ, ф. 1788, оп. 5, д. 7, л. 81.

²⁹ Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 71.

³⁰ Ростовский Ф.Я. Дневник для записывания. М., 2001. С. 48.

³¹ Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003. С. 114.

³² Там же. С. 116; Ростовский Ф.Я. Указ. соч. С. 53.

³³ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 278.

³⁴ Половцов А.П. Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 33.

пропагандистская машина пропустила момент, когда сведения о кризисе в Германии автоматически переносились обывательским сознанием на счёт России.

Кроме дороговизны, которую можно было списать на издержки военного времени, обывателей возмущали случаи порчи продуктов на складах по причине халатности властей и мародёрства. На одной из карикатур под названием «Удушливые газы в Петрограде» люди разбегались от Калашниковского холодильного склада, где скопилось слишком много гнилой рыбы³⁵. Тема сгнивших продуктов, в то время когда горожане опасались голода, вызывала у обывателей наибольшее возмущение, к тому же народная молва и письма то и дело сообщали о реальных случаях порчи продуктов³⁶.

В конце концов накопившиеся эмоции сыграли роковую роль: в некоторых петроградских «хвостах» заговорили о том, что правительство вообще собирается на несколько дней прекратить продажу хлеба для того, чтобы сосчитать оставшиеся в городе запасы³⁷. В действительности ревизии были подвергнуты шесть пекарен на Выборгской стороне и сделан вывод, что в среднем запасов муки в них, без учёта хранящейся муки на складах, должно хватить на 11 дней³⁸. Петроградский градоначальник генерал А.П. Балк по результатам проверки запасов хлеба в столице сообщил директору департамента полиции: продовольствия в городе хватит на 22 дня; командующий войсками Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов, определяя имевшиеся запасы в 500 тыс. пудов и исходя из среднего потребления муки в 40 тыс. пудов в день, называл чуть более скромные сроки — 10—12 дней³⁹. Учитывая, что подвоз муки в столицу хоть с перебоями, но продолжался, говорить о критической ситуации с мукой едва ли было правомерно.

Официальная пресса пыталась сдержать рост панических настроений, и «Ведомости петроградского градоначальства» поместили на первую полосу обращение Хабалова, объяснявшего нехватку хлеба в некоторых лавках тем, что «многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари»⁴⁰. При этом депутация от петроградских пекарен, явившаяся к Хабалову с жалобой на жителей, считавших, что пекарни прячут муку, объясняла недостачу хлеба отсутствием необходимого числа пекарей⁴¹. Отчасти последнее объяснение подтверждается тем, что некоторые обыватели в январе—феврале 1917 г. приступили к самостоятельной выпечке хлеба⁴². Следует также отметить: многие петроградцы искренне считали, что в Москве ситуация ещё хуже и отправляли с оказией своим родственникам чемоданы с мукой вплоть до 20-х чисел февраля⁴³.

Тем не менее в условиях недоверия официальным источникам информации слухи обрастали новыми подробностями: начали рассказывать, будто бы власти собираются ввести ограничения суточной продажи хлеба взрослым и детям

³⁵ Стрекоза. 1917. № 3. С. 13.

³⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1070, л. 29.

³⁷ Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года // Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914—1919. М., 1994. С. 221.

³⁸ Одесский листок. 1917. 28 февраля.

³⁹ Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992; Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 1. Л., 1924. С. 186.

⁴⁰ Ведомости Петроградского градоначальства, 1917. 25 февраля. С. 1.

⁴¹ Падение царского режима... Т. 1. С. 185.

⁴² Ростовский Ф.Я. Указ. соч. С. 72.

⁴³ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 340.

по фунту и полфунта соответственно. Если учесть, что ряд городов (Москва, Харьков, Воронеж, Одесса) к тому времени перешёл на продовольственные карточки, подобная информация легко принималась на веру. Представителям власти оставалось лишь наблюдать и фиксировать на бумаге развитие панических настроений. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов, телеграфируя в Ставку дворцовому коменданту, сумел сформулировать, по-видимому, истинные причины перебоев с хлебом: «Внезапно распространившиеся в Петрограде слухи о предстоящем якобы ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба... вызвали усиленную закупку публикой хлеба, очевидно в запас, почему части населения хлеба не хватило. На этой почве 23 февраля вспыхнула в столице забастовка, сопровождающаяся уличными беспорядками»⁴⁴.

Сами хлебопёки наблюдали явление, как человек, купив в одной лавке хлеб, тут же становился в очередь к другой. «Хвосты» в данной ситуации неизменно быстро росли, возбуждая беспокойство у публики. В «Русских Ведомостях» в статье «Развитие паники» отмечалось: «Откуда причина такой паники — сказать трудно, это нечто стихийное. Но, во всяком случае, в эти дни для неё не было оснований, ибо в Петрограде всё-таки имеется достаточный запас муки»⁴⁵.

Хлебные хвосты аккумулировали и усиливали эмоции, которые выливались в коллективные формы аффективного действия. Е. Зозуля оставил описание типичного начала погрома, вспыхнувшего в «хвосте»: «Толпа распалась. Кто-то, мрачный и оборванный, вбежал в ближайший двор, через минуту выбежал оттуда с несколькими расколотыми поленьями и, коротко размахивая, треснул одним поленьем в окно, другим в вывеску, третьим — в стеклянную дверь»⁴⁶. Ворвавшись в хлебную лавку, толпа часто разбрасывала хлеб по улице, а в самом магазине била стекла⁴⁷. В деле разгрома магазинов полиция отмечала особую активность подростков. Последние, как правило, покушались на сладкое: выносили пирожные, конфеты, банки с вареньем. Более «компетентная» в погромах часть публики вскрывала часовые и ювелирные магазины, другие «специализировались» на аптеках, превратившихся в годы «сухого закона» в монополистов по розничной продаже спирта. Вышедшие на улицы очевидцы отмечали, как в разных местах города происходил разгром винных магазинов «группами солдат и уличных бродяг»⁴⁸. Британский инженер Джонс Стинтон, находившийся в февральские дни в Петрограде, отмечал, что в «большинстве случаев толпа врвалась в аптеки, из которых выносились любые виды спирта, который тут же выпивался, в результате чего в “революционной толпе” было значительное количество пьяных и сошедших с ума элементов»⁴⁹. Разгром Литовской тюрьмы и выход из неё уголовников ещё больше обострил ситуацию на улицах.

Тщетно пытавшиеся остановить погромы чины полиции, казаки, солдаты сами оказывались под прицелом гнева толпы, особенно после того, как 27 февраля был взят Арсенал на Литейном проспекте и в руках восставших оказалось достаточно оружия, чтобы вступать в прямое вооружённое противостояние. В условиях постоянно раздававшейся на улицах неорганизованной стрельбы,

⁴⁴ ГА РФ, ф. 1788, оп. 1, д. 74, л. 29.

⁴⁵ Русские ведомости. 1917. 26 февраля.

⁴⁶ Зозуля Е. Указ. соч. С. 1.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 1788, оп. 1, д. 74, л. 14 об.

⁴⁸ Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 29.

⁴⁹ *Stinton J. Russia in Revolution. Being the experience of an Englishman in Petrograd during the upheaval.* L., 1917. P. 118.

когда обыватели с трудом могли понять, кто и откуда стреляет, родился новый слух — о «протопоповских пулемётах». Появилась даже версия, что протопоповское министерство внутренних дел сознательно спровоцировало февральские беспорядки, с тем чтобы, жестоко подавив выступление народа, перейти к открытой реакции. Слух о том, что беспорядки — дело рук правительства, и до того уже неоднократно обсуждался обывателями: так, в июле 1914 г. говорили, что рабочие забастовки спровоцированы В.Ф. Джунковским, а весной 1915 г. в этом подозревали Н.А. Маклакова, который якобы «занимается провокацией, стараясь вызвать недовольства и беспорядки, чтобы построить свою карьеру на подавлении их»⁵⁰. Многие, основываясь на слухах о «царскосельских предателях», полагали, что всё дело в стремлении заключить с Германией сепаратный мир⁵¹.

28 февраля Гиппиус писала в дневнике, что по приказу Протопопова пулемётами были обставлены все крыши соседних домов, включая её собственный. Она была уверена, что стрельбу ведут переодетые городовые, и в то же время постоянно задавала себе вопросы «кто», «зачем», не находя на них ответов⁵². При этом Гиппиус отмечала и беспорядочную стрельбу на улице, устраиваемую пьяными солдатами и рабочими. 25 февраля М.В. Родзянко отправил царю телеграмму, где также сообщал о беспорядочной стрельбе солдат друг в друга на улицах города⁵³. Меньшевик Н.Н. Суханов в те дни рисовал почти апокалиптические картины российской революции, особо подчёркивая деструктивную роль освобождённых уголовников. При этом он также приписывал стрельбу с крыш домов агентам «тёмных сил» — охранникам, полицейским, жандармам, дворникам⁵⁴. Находившийся в Петрограде корреспондент «Одесского листка» вспоминал «по горячим следам», что в Петрограде с крыш стреляли полицейские, переодевшиеся в солдатскую форму⁵⁵.

Имел ли этот слух под собой какое-то основание? Хотя военные власти признавали серьёзность момента, их не покидали надежды на то, что ситуацию удастся взять под контроль. Рано утром 27 февраля Протопопов телеграфировал дворцовому коменданту В.Н. Воейкову, что в отдельных частях столицы войска открывали огонь по революционным толпам и рассеивали их, и выражал надежду на скорое урегулирование обстановки⁵⁶. В тот же день Петроград был объявлен на осадном положении, и генерал С.С. Хабалов, сформировав отряд из 6 рот при 15 пулемётах и 11 полуэскадронов (всего около 1 тыс. человек), отправил его под командованием полковника А.П. Кутепова на подавление беспорядков⁵⁷. Иными словами, вплоть до 27 февраля власти сохраняли надежду на подавление восстания силами войск, так что создавать разрозненные пулёмётные точки на крышах домов было бессмысленно. А после того как с 28 февраля верные части оказались окружёнными в Адмиралтействе, начинать операцию по расстрелу демонстрантов из пулёмётов в глубоком «тылу революции» силами одной только полиции было бы просто самоубийственно.

⁵⁰ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 194; Толстой И.И. Дневник. 1906—1916. СПб., 1997. С. 611.

⁵¹ Бубликов А.А. Русская революция (Её начало, арест Царя, перспективы): Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 16.

⁵² Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 86.

⁵³ Блок А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 63.

⁵⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 108—109.

⁵⁵ Одесский листок. 1917. 7 марта.

⁵⁶ Блок А. Указ. соч. С. 66—67.

⁵⁷ Там же.

Интересно, что верившие слухам про пулемёты обыватели часто сами признавали абсурдность этой затеи и иногда даже выражали сочувствие полиции. Показательно, что А.Н. Бенуа, не сомневавшийся в существовании «протопоповских пулемётов», 28 февраля назвал якобы засевших на крышах домов городских «обречёнными жертвами идиотского плана Протопопова»⁵⁸. Бывший начальник охраны К.И. Глобачёв впоследствии, не отрицая факта пулемётной стрельбы с крыш домов, доказывал в своих воспоминаниях непричастность к ней полиции тем, что в местах, на которые указывали свидетели, расставлять огневые точки было бессмысленно — «кроме трескотни и шума, вреда от них никакого не было»⁵⁹. Он обвинял в пулемётной стрельбе с целью провокации «революционеров».

Так как слухи о «протопоповских пулемётах» заняли прочное место в памяти участников февральских событий, образованная 5 марта «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств» занялась сбором сведений о преступлениях городских в февральские дни, однако конкретных фактов этих преступлений не обнаружила. Выяснилось, что большинство подозреваемых сами узнали о пулемётах из газет или со слухов. Так, бывший председатель Совета министров кн. Н.Д. Голицын на вопрос о пулемётах ответил, что узнал о них только из слухов, на вопрос же, кто стрелял, сказал: «молва городская была, что полиция»⁶⁰.

Парадоксально, что мало кто из допрошенных, узнавших о пулемётной стрельбе из слухов, сомневался в их достоверности. Причём в военном министерстве склонны были подозревать чинов полиции и наоборот. Бывший военный министр М.А. Беляев на вопрос председателя комиссии, были ли пулемёты военными или полицейскими, признал их полицейскими, — если бы был приказ об использовании пулемётов военного ведомства, он бы об этом знал⁶¹. Бывший министр внутренних дел Протопопов, в свою очередь, заявил: прочитав в газетах, что «в полиции применяются пулемёты», он спросил об этом Балка, и тот сказал, что, «должно быть, молодые солдаты учатся»⁶². Хабалов, упомянув, что Протопопов предлагал использовать против толпы броневые автомобили, на вопрос о полицейских пулемётах на крышах ответил просто: «Думаю, что их не было»⁶³. При этом он сообщил о существовании в Петрограде на крышах отдельных зданий противовоздушных батарей, располагавших специальными пушками и пулемётами, ориентированными для стрельбы вверх. Находились они в подчинении генерала Г.В. Бурмана. Хабалов предположил, что эти пулемёты в ответ на стрельбу с улицы могли открыть огонь как по революционерам, так и по правительственным войскам⁶⁴. Однако причастность батарей к пулемётной стрельбе не была доказана.

Следователь комиссии Юзевич-Компанеец допросил несколько сот человек и установил, что все найденные на улицах пулемёты принадлежали воинским

⁵⁸ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 120.

⁵⁹ Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 67.

⁶⁰ Падение царского режима... Т. 2. Л.; М., 1925. С. 266.

⁶¹ Там же. С. 234.

⁶² Там же. Т. 1. С. 137.

⁶³ Там же. С. 207.

⁶⁴ Там же. С. 211.

частям и были похищены с воинских складов⁶⁵. Революционно настроенный публицист В.Л. Бурцев, проводивший собственное расследование, согласился с тем, что многие допрошенные говорили правду, утверждая, что не знали о пулемётах, и заметил: «Я сам был под расстрелом пулемётов, но с уверенностью говорить ничего не могу по этому поводу»⁶⁶. Кроме Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, в Петрограде действовали 47 организованных адвокатским бюро следственных отделов, проводивших обследование действий бывших полицейских участков. 6 июля 1917 г. бюро передало во временные суды производство о 1 197 полицейских чинах, и ни в одном отчёте не оказалось данных, указывающих на их стрельбу из пулемётов, что вынудило С.П. Мельгунова признать: ««протопоповские пулеметы» существовали только в возбуждённом воображении современников»⁶⁷.

Тем не менее слух о пулемётах перекочевал в качестве исторического факта в советскую историографию. Так, Э.Н. Бурджалов, называя день 26 февраля «кровавым воскресеньем» второй революции, описывал организованный властями расстрел безоружных демонстрантов на Невском проспекте и, ссылаясь на воспоминания рабочих, назвал использование пулемётов «заранее продуманной мерой царских властей»⁶⁸. Впрочем, А.Л. Сидоров и П.В. Волобуев позже отказались от этого мифа⁶⁹. Вернувшийся в 2015 г. к рассмотрению этого вопроса А.Г. Румянцев, пытаясь примирить свидетельские показания о пулемётах с установленным фактом непричастности к ним полиции, допустил, что прятавшиеся на чердаках от революционной толпы полицейские случайно могли обнаружить там бесхозные пулемёты, оставленные службой противовоздушной обороны, и открыть из них стрельбу в целях самообороны. Но эта версия не лишена некоторых противоречий⁷⁰. Прежде всего, точки противовоздушной обороны размещались на крышах правительственных и военных учреждений, заводов, но не частных домов. Румянцев отмечает, что известны случаи похищения пулемётов в февральские дни, но остаётся неясным, кому понадобилось переносить их с одной крыши на другую и затем оставлять без дела.

Возникает также вопрос, могла ли полиция тогда в принципе проявить решимость в подавлении массовых беспорядков. Сегодня некоторые исследователи выдвигают тезис, что негативный образ полицейского как врага революции сформировался под воздействием «инверсивной логики» уже после событий февраля 1917 г.⁷¹ Это, конечно, неверно: история протестного движения в России показывает, что задолго до 1917 г. неприятие царской власти выливалось в столкновения обывателей с полицией. В июле—августе 1914 г. толпы мобилизованных, не испытывавших энтузиазма по поводу отправки на

⁶⁵ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961. С. 413.

⁶⁶ Падение царского режима... Т. 1. С. 295.

⁶⁷ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 401, 413.

⁶⁸ Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 174.

⁶⁹ Волобуев П.В. По поводу числа убитых и раненых в Петрограде в дни Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Статьи. М., 2000. С. 76.

⁷⁰ Румянцев А.Г. «Полицейские пулемёты» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. СПб., 2015. С. 38—54.

⁷¹ Абдурахманова И.В. Образ полиции в массовом правосознании накануне и во время Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2006. № 1. С. 27—31.

фронт, забрасывали полицейских камнями и устраивали им «кошачьи концерты». В Екатеринославе, дабы не провоцировать призывников, полицию вообще убрали с улиц города⁷². Однако необходимо учитывать, что чины полиции, как и всё российское общество, наблюдавшее за конвульсиями власти накануне революции, не могли не проникнуться оппозиционными настроениями. А.Б. Николаев отмечает, что часть петроградских полицейских сочувственно относилась к революционерам, и противоречия внутри полиции «могли сыграть не на руку царизму в том случае, если бы он решился использовать полицейские силы для активного участия в подавлении назревающей революции»⁷³. Некоторые полицейские в февральские дни открыто заявляли приставам, что не будут стрелять в народ⁷⁴. Таким образом, полиция не была силой, способной, даже при наличии пулемётов, оказать решительное сопротивление восставшим, что не помешало революционизированным горожанам счесть её главной силой контрреволюционного сопротивления.

Примечательно, что обыватели заговорили о пулемётах задолго до описываемых событий. Осенью 1916 г. мало кто сомневался в неизбежности революции, многие отмечали усиление бунтарских настроений и гадали, чем на них ответят власти. В результате в конце октября в Москве распространился слух, что полицию начали вооружать пулемётами⁷⁵. Однако настоящий шум поднялся в Петрограде, где шло обучение стрельбе из пулемётов молодых солдат. Обыватели, прослышав, что ранее чины полиции испрашивали пулемёты для себя, в декабре 1916 г. решили, что идёт тренировка жандармов и городских⁷⁶. Не последнюю роль в истории с пулемётами сыграла и некоторая демонизация образа Протопопова, которого общественное сознание воспринимало как властного и жестокого преемника Распутина. В конце 1916 г. ходила даже молва, что сам Протопопов утверждал, будто в него вселился дух Распутина⁷⁷. Гиппиус передавала слухи о министре внутренних дел, который якобы хвастался, что «подавил революцию сверху и подавит её и снизу», для чего и расставил на улицах пулемёты 14 февраля, когда власти ожидали беспорядков в связи с открытием очередной сессии Думы⁷⁸. Однако 14 февраля беспорядков не произошло, пулемёты с улиц исчезли, а воображение напуганных обывателей «расставило» их на крышах соседних домов. Нельзя отрицать и версию, что в ряде случаев некомпетентные в военном деле и напуганные обыватели принимали за пулемётную очередь беглый ружейный огонь.

Так или иначе, но слухи о пулемётах привели к массовым незаконным обыскам, которые устраивались на частных квартирах не только представителями новоиспечённой власти, но и вооружёнными грабителями. А нередко «подозрительный блеск» в чьём-либо окне становился сигналом к действию для возбуждённых обывателей — они вламывались в квартиры верхних этажей и избивали подозрительных жильцов. Н.Е. Врангель вспоминал, как в одной из них под кроватью нашли полотёра, выполнявшего свою работу, и, приняв его за спрятавшегося переодетого городского, чуть не убили. В другой раз

⁷² ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 976, л. 48.

⁷³ Николаев А.Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. № 5. С. 16.

⁷⁴ Там же. С. 9 (прим.).

⁷⁵ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 298.

⁷⁶ Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 222–223.

⁷⁷ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1069, л. 186.

⁷⁸ Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 90.

подстрелили трубочиста на крыше, приняв его за переодетого полицейского с пулемётом⁷⁹. За стволы пулемётов горожане, находившиеся на улице, принимали видневшиеся в окнах гардины, концы водосточных труб, выглядывавших с крыш. 27 февраля толпа пыталась взять приступом Мариинский театр, под крышей которого ясно видели торчащие дула пулемётов. Когда же в сопровождении артиста В.В. Киселёва и режиссёра П.И. Мельникова представители воинственно настроенной публики обошли помещение театра, то убедились, что за стволы пулемётов были ошибочно приняты концы вентиляционных труб⁸⁰. Согласно газетным сведениям, подобные революционные инициативы «бдительных» жителей привели к арестам около 4 тыс. человек, в результате чего Министерству юстиции пришлось создать особую следственную комиссию⁸¹. Однако обнаружить среди задержанных переодетых городских, стрелявших из пулемётов, конечно же, не удалось.

Помимо городских, замешанными в слухах о «протопоповских пулемётах» оказались священники. Гиппиус и Бенуа отмечали в дневниках, что пулемётная стрельба якобы шла с крыши Исаакиевского собора и с колокольни лютеранской церкви Св. Михаила⁸². Вскоре родился и образ священника с пулемётом. В «Новом Сатириконе» в апреле была опубликована карикатура, изображавшая стреляющего из пулемёта попа с крестом в руке. Текст под рисунком гласил: «В дни революции много пулемётов стояло на колокольнях, откуда и обстреливался восставший народ»⁸³. Находились свидетели, которые рассказывали, что пулемёты тайно развозились по церквям в гробах⁸⁴. Размещение пулемётов на крышах столичных соборов опровергалось даже в газетах далекого Томска⁸⁵. Некоторые провинциальные священники, поверив разговорам о разрешении Петроградской епархии расставлять на крышах церквей и колокольнях пулемёты для подавления беспорядков 27–28 февраля, отправляли по этому поводу запросы начальству⁸⁶.

Священники вообще нередко воспринимались обывателями в качестве представителей власти⁸⁷. Отождествление полиции и духовенства проходило и на уровне политической лексики: специфические обороты речи, высказывания, приписываемые чинам полиции, переносились и на представителей духовенства. Так, после ареста Протопопова обыватели рассказывали, что министр на допросах оправдывался тем, что сознательно своими действиями способствовал приближению революции: «Я оставался министром, чтобы сделать революцию. Я сознательно подготовил её взрыв»⁸⁸. В мае 1917 г. появилась карикатура, в которой поп-хамелеон схожим образом оправдывал своё реакционное

⁷⁹ Врангель Н.Е. Указ. соч. С. 355.

⁸⁰ Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 23.

⁸¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 313.

⁸² Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 90; Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 124.

⁸³ Новый Сатирикон. 1917. № 14. С. 7.

⁸⁴ Румянцев А.Г. Указ. соч. С. 49.

⁸⁵ Сибирская жизнь. 1917. 8 марта.

⁸⁶ РГИА, ф. 797, оп. 86, 3 отд., 5 ст., д. 22, л. 157.

⁸⁷ См.: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 1992; Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 г. СПб., 2008; Аксёнов В.Б. Вера и массовое сознание: расцерковление россиян в 1907–1917 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Вып. 6(39). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000545-8-1> (дата обращения: 06.08.2015).

⁸⁸ Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 100.

прошлое: «Братие! Я всегда стоял за свободу, а если я к погромам призывал, так для того, чтобы граждане скорее потеряли терпение и устроили Революцию»⁸⁹.

Несмотря на победу революции и исчезновение с улиц столицы главного оплота самодержавия — городских, — март принёс лишь внешнее успокоение. «Революционный психоз» принимал новые формы. Одной из них стала инициатива таинственных «активистов», решивших пометить белыми крестами двери квартир некоторых жителей Петрограда. Шла ли речь о шутке, или действительно существовала некая инициативная группа по отлову «внутренних врагов», сейчас сказать трудно, но, учитывая общую социально-психологическую напряжённость, можно представить чувства «помеченных» людей. Кое-кто пытался систематизировать кресты по их виду и социальной принадлежности жильцов «крещёных» квартир. В «Петроградском листке» в марте появилась заметка, в которой отмечалось, что перед квартирами офицеров было по два креста; секретарь петроградской городской милиции З. Кельсон писал о распространённых в то время слухах, что «белыми крестами помечают квартиры евреев, собираясь им устроить Варфоломеевскую ночь»⁹⁰. В период Февральской революции антисемитизм, отождествлявшийся с царской политикой и черносотенцами, популярен не был, хотя в апреле в Москве появлялись воззвания к еврейскому погрому, а чуть позже некоторые крестьяне, предсказывавшие наступление «последних времён», доказывали это тем, что А.Ф. Керенский — «жид-Анчихрист»⁹¹. Это не привело к антисемитским выступлениям, но «белые кресты», отнесённые на счёт черносотенцев, вызвали новое беспокойство по поводу заговора правомонархических сил против революции.

После страхов относительно «протопоповских пулемётов» и «белых крестов» пришла очередь «чёрных автомобилей». Сознание граждан переместило мифические пулемёты с крыш в машины. Некоторые основания для этого имелись. Бывший градоначальник Петрограда А.П. Балк вспоминал о происшествии 28 февраля: «Мимо градоначальства из Гороховой улицы выскочил автомобиль и открыл стрельбу из пулемёта. Окружавшую нас толпу охватила паника. Все бросились на землю и началась беспорядочная стрельба»⁹². Однако в тот день эпитет «чёрный» по отношению к автомобилям ещё не употреблялся.

Н.Н. Суханов относит появление слухов о «чёрных авто» к 2 марту: «Появился в Петербурге некий “чёрный автомобиль”, мчавшийся, как говорили, из конца в конец столицы и стрелявший в прохожих чуть ли не из пулемёта»⁹³. Примечателен слух о «протопоповских автомобилях»: сообщалось, что накануне революции Протопопов в личных целях приобрёл 10 машин⁹⁴. Предполагалось, что теперь именно из них бывшие чины полиции расстреливают обывателей из пулемётов, заготовленных тем же бывшим министром внутренних дел. Секретарь начальника городской милиции З. Кельсон вспоминал, как 3 марта в 3 часа ночи его разбудил комендант Городской думы и передал только что полученный пакет: «Начальнику милиции. Спешно. Секретно. В собственные руки». В пакете было отношение: «Коменданту города. По сообщению

⁸⁹ Стрекоза. 1917. № 18. С. 15.

⁹⁰ Кельсон З. Милиция февральской революции. Воспоминания // Былое. № 1(29). 1925. С. 168.

⁹¹ Русские ведомости. 1917. 9 апреля; *Наживин И.Ф.* Записки о революции. Вена, 1921. С. 17.

⁹² Балк А.П. Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое. Кн. 1. 1991. С. 59.

⁹³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 178.

⁹⁴ Саратовский листок. 1917. 22 марта.

членов Совета рабочих депутатов Жукова, Васильева и др., сегодня ночью предполагается выезд чёрных автомобилей с чёрными флагами для обстрела милиционных постов. №№ их следующие...»⁹⁵. Через некоторое время в Думу был доставлен арестованный гласный Д.А. Казицын, проезжавший на автомобиле под одним из этих номеров.

В газетах активно заговорили о «чёрных авто» с 9 марта. Так, «Русские ведомости» сообщили о совершённых в Петрограде «тайнственными моторами» ночных разбойничьих набегах, а также об участии в них некой черносотенной организации⁹⁶. 16 марта чёрные автомобили «добрались» и до Москвы, где их обнаружило воспалённое страхами сознание обывателей⁹⁷. К 20-м числам марта слухи об автомобилях реанимировали слухи о протопоповских пулемётах на крышах, стрельбу из которых якобы обыватели слышали в различных частях города⁹⁸. Своеобразным апогеем слухов о «чёрных авто» стало 13 апреля, когда газеты сообщили сразу о трёх случаях задержания тайнственных моторов: первый раз милиционеры около 1 ч ночи обстреляли чёрный автомобиль, своих коллег, ехавших из соседнего комиссариата на облаву; другой раз милиционеры за тайнственный автомобиль приняли броневик с вооружёнными солдатами, — услышав удары пуль о броню, они ответили дружным оружейным огнём; третий случай произошёл с возвращавшимися с праздника офицерами и их дамами, за разговорами не услышавшими свистков милиции, в результате их автомобиль был обстрелян милиционерами⁹⁹.

Слухи о загадочных столичных моторах обсуждали по всей стране. 17 апреля «Одесский листок» сообщил, что центральные комиссариаты Петрограда получили телефонограмму, согласно которой по распоряжению министра юстиции милиционеры обязаны без предупреждения открывать огонь по автомобилю с номером 4247. Однако проверка установила, что министр никаких подобных распоряжений не давал, а в автомобиле под указанным номером ездил А.Ф. Керенский. Таким образом родились новые вопросы и слухи о том, кто мог стоять за отправкой подобной телеграммы. Образ «чёрного мотора» пытались использовать в целях политической пропаганды некоторые партии. Так, 10 марта в газете «Правда» появилась статья «Люди чёрного автомобиля», в которой большевики демонизировали своих идеологических противников — гласных петроградской городской думы.

Слухи о «чёрных авто» интересны своей многоуровневой структурой, сочетавшей социально-политические, символические и литературно-художественные пласты. Контекст слухов о «чёрных авто» вполне соответствовал шпионии первых лет войны, когда воспалённое сознание обывателей рисовало образы представителей «тёмных сил» на автомобилях (циркулировали слухи о тайных поездках в Германию Николая II, шпионской деятельности императрицы, разъезжавших в автомобилях и фотографировавших военные укрепления). Также следует обратить внимание на связь этого политического образа со слухами из криминальной области и беллетристической кануна революции. Согласно молве, в январе 1917 г. в пригородах Петрограда орудовала банда на чёрном автомобиле, которая с наступлением темноты отправлялась на охоту

⁹⁵ Кельсон З. Указ. соч. С. 169.

⁹⁶ Русские ведомости. 1917. 9 марта.

⁹⁷ Московский листок. 1917. 17 марта.

⁹⁸ Русские ведомости. 1917. 21 марта.

⁹⁹ Петроградский листок. 1917. 13 апреля.

за молодыми девушками¹⁰⁰. Сообщалось, что было найдено 16 трупов. Главаря банды в народе прозвали Чёрный Биль, обыгрывая, вероятно, имя как производное от слова «автомобиль», а также имея в виду известного персонажа американской беллетристики Чёрного Билла, встречающегося, в частности, в популярных в России рассказах О. Генри.

Не был случаен образ чёрного авто и с точки зрения архетипической символики. В сознании обывателей начала XX в. автомобиль ассоциировался с неким подобием Люцифера, ревушим и несущимся в ночи с бешеной скоростью. Демонизация автомобиля усилилась в годы Первой мировой войны, так как в народе автомобилями называли не только грузовые и пассажирские «моторы», колёсные броневики, но и гусеничные танки. Автомобиль становился порождением эпохи мировой войны, символом насилия. Именно с этим образом И.А. Бунин впоследствии связал все свои страхи революции; об автомобиле как о символе революционного насилия писали в 1917 г. М. Горький, П.А. Сорокин и другие менее именитые современники¹⁰¹.

Нужно сказать, что период «медового месяца» характеризовался не одними только страхами, революционное творчество масс было проникнуто искренним энтузиазмом: на митингах-концертах зрители и артисты хором пели революционные песни, профессиональные литераторы и поэты-любители посвящали революции стихи и рассказы, художники расписывали знамёна, публиковали в журналах эмоционально-позитивные рисунки в виде открыток. Однако за фасадом общенародного ликования прятались потаённые фобии обывателей, выдаваемые массовыми слухами. Восторг и страх, любовь и ненависть, великодушие и жестокость становились постоянными спутниками революции, определяя её дуалистическую, противоречивую природу.

Несмотря на широкое распространение различных слухов, следует заметить, что география революционных эмоций имела свои особенности: юго-западные губернии, граничившие с театром военных действий, более активно реагировали на революцию, чем Сибирь. Так, в Томске не было ничего подобного охоте на городских, а полиция первое время продолжала работу вместе с новоиспечённой милицией¹⁰². Одесса пребывала в состоянии неопределённости: «Жутко, мучительно жутко без телеграмм и “внутренних известий”. Словно где-то там, за наглухо запёртыми дверьми операционной палаты мрачного больничного корпуса, окружённого высокой оградой, неведомые хирурги третьи сутки кромсают больное тело близкого нам и дорогого существа»¹⁰³. Недостаток информации в конце концов привел к распространению в городе абсурдного слуха, что Временное правительство собирается восстановить крепостное право¹⁰⁴.

Крестьянство же восприняло известие о революции в целом куда менее восторженно, чем городские слои. В то время как столичные жители радовались весеннему солнцу Свободы, в Вологодской губернии крестьянин А. Замараев, наблюдая метель за окном, испытывал совершенно другие чувства: «Погода студёная, пролетает снег. Нашему государству едва ли не приходит конец»¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Одесский листок. 1917. 22 января.

¹⁰¹ Бунин И. Окаянные дни. М., 1991. С. 54; Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 91; Сорокин П. Указ. соч. С. 79; Окунев Н.П. Указ. соч. С. 125.

¹⁰² Сибирская жизнь. 1917. 5 марта.

¹⁰³ Одесский листок. 1917. 3 марта.

¹⁰⁴ Там же. 4 марта.

¹⁰⁵ Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 годы. М., 1995. С. 160.

Локальные особенности эмоциональной географии, их связь с местными хозяйственно-экономическими, политическими или культурно-историческими особенностями должны стать предметом отдельного исследования.

Таким образом, информационный кризис кануна революции, характеризовавшийся огромной ролью слухов, радикализировал общественные настроения, подготовив ментальную почву для революции. В то время как большинство революционных фобий оказывалось безосновательными, страхи сами порождали волну революционного насилия, которая подпитывалась слухами, коренившимися в политической информации, криминальных легендах, архетипах и литературных образах. Не удивительно, что слухи и страхи «медового месяца» 1917 г. воскресли на последующих этапах российской смуты.

Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи)

Валентин Шелохаев

Re-formatting of the partisan structure in Russia in 1917: Results of recent studies and prospectives for the further research

*Valentin Shelokhaev (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Глобальные революционные трансформации 1917 г. оказали мощное воздействие на ещё не завершившийся в России процесс формирования многопартийности. Причины позднего возникновения в стране политических партий (по сравнению с развитыми западноевропейскими государствами), а также особенности сложного процесса их формирования и эволюции обстоятельно раскрыты в трудах российских историков¹.

Цель данной статьи – показать состояние современной отечественной историографии российских политических партий на переломном этапе их эволюции – в 1917 г., а также определить исследовательские задачи дальнейшего изучения этой проблемы. Однако перед её детальным освещением представляется важным хотя бы лапидарно напомнить итоговые результаты изучения истории российских политических партий в отечественной и зарубежной историографии предшествующего периода. Прежде всего для них характерно наличие полярных подходов и итоговых оценок исторических судеб партий

© 2017 г. В.В. Шелохаев

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12025а(ц).

¹ Подробно см.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. М., 1996. С. 5–12; *Леонов С.В.* Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 29–48; *Шелохаев В.В.* Политические партии в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 97–105.